

«Метаморфозы» Спектакль Ильки Шёнбейн в театре «Европеец»

Несколько лет назад мне уже приходилось писать о театре Ильки Шёнбейн — «открытии» фестиваля современного мимического искусства в Перигё 1994 года («PM» №4046).

С тех пор Илька Шёнбейн — неизменный участник всех фестивалей уличных театров во Франции, и так же неизменно собирается вокруг нее замороженная толпа зрителей. В прошлом сезоне она впервые выступила в Париже, в настоящем театре. Интерес к ее искусству оказался так значителен, что в сентябре имя Ильки Шёнбейн снова появилось на парижских афишах.

Несмотря на сопутствующий ей все последние годы успех, И.Шёнбейн продолжает жить, как и раньше, в фургончике бродячего театра. И ее спектакль «Метаморфозы» есть продолжение ее жизни, жизни бродячей комедиантки в давнем, почти забытом сегодня значении: фургончик театра «Мешуга» странствует по дорогам Европы, собирая зрителей на городских площадях, часто тех, кто обычно в театр не ходит. Так что нормально, что гастролы И.Шёнбейн в Париже проходят в театре под названием «Европеец» («L'Européen»).

Сцена «Европейца» максимально приближена к условиям уличного представления: маленькая полукруглая сцена, на которой собраны нехитрые пожитки полусумасшедшей нищенки — героини спектакля, и все превращения происходит не за кулисами, а на наших глазах. От уличного представления осталась и игра с публикой напрямую, и весь наивный стиль постоянной апелляции к зрителю. За кажущейся внешней простотой ее уличного «бедного» театра скрываются годы занятий музыкой, танцем по системе эвритмии Р.Штейнера, наконец — уроками по созданию и вождению марионетки.

Перейдя в закрытое пространство, спектакль стал длиннее и горше, трагичнее, как если бы тема, заявленная в карандашном эскизе уличного действия, здесь приобрела колористическую законченность. Как эта бельевая веревка, на которой развешены были участвующие в спектакле разодранные одежды мешуги («мешуга» — сумасшедшая

на идиш), превратилась в обрывки колючей проволоки, вызывающей в памяти ассоциации совершенно определенные.

Спектакль начинает не юная бесшабашная рыжеволосая нищенка — она возникнет позже, с большим носом и удлинненным силуэтом, как будто сошедшая с картин Сутина. Это она вводит нас в круг сцены, где вдоль колючей проволоки собраны не столько остатки нехитрого скарба нищенки, сколько лоскутки ее собственной жизни. Лоскутки воспоминаний, к которым она с трогательной деликатностью пред-

Сцена из спектакля.

лагает нам прикоснуться.

Илька Шёнбейн — «женщина-оркестр», как назвала ее когда-то американская журналистка в Перигоре, — обладает в самом деле многогранным даром: она и танцовщица, и декоратор, и кукловод, и актриса, и создатель уникальных скульптурных масок кукол, и автор удивительных поэтических образов «Метаморфоз». В отзывах на спектакль ее чаще всего называют поэтом. Поэзия «Метаморфоз» — черная, какой она могла выйти из кошмара концлагерей, как будто вызывая из небытия какие-то фигуры и образы утраченной культуры евреев Центральной Европы. Илька Шёнбейн, немка из Дармштадта, играет спектакль о еврейской трагедии XX века, под мелодии, исполняемые на идиш.

Ilka
SCHÖNBEIN

Спектакль «Метаморфозы» — очень эмоциональный, очень личностный. И.Шёнбейн рассказывает, как в детстве, занимаясь в еврейской библиотеке Дармштадта, она была потрясена открытием Катастрофы. Это был какой-то невыносимый давящий груз. И позднее она все четыре года, пока придумывался спектакль, жила в состоянии непреходящего шока.

«Я пыталась превратить это мое внутреннее состояние в творчество, и надеюсь, передаю его зрителям». Своеобразие ее метаморфоз в том как раз и состоит, что марионетки не существуют сами по себе, но как бы возникают, рождаются из нее самой, как в прямом, так и в переносном смысле. В переносном — потому что весь этот гротескный bestiарий, словно вышедший из кафкианского кошмара, как крыса с огромной женской грудью и подрагивающим рыльцем, или похотливый ворон, или грифон о трех головах, — есть выражение ее собственных кошмаров. В прямом — потому что технически марионетка не существует вне Ильки, она рождается и живет только в ее руках. Обычная тряпка превращается в крысу, согнутый зонтик — в хищного ворона, перчатки — в паука. Стоит только набросить черный плащ — и он оказывается фигурой ее партнера-скелета, с которым она танцует странный и надрывный танец. И этот «danse macabre» с привкусом эротики, поставленный в традициях немецкого кабаре, соседствует с трогательной сценой рождения ребенка: маленькая кукла с длинными ножками и большой грустной головой (даже дети здесь рождаются грустными) двигается, словно живая, в руках волшебницы Ильки Шёнбейн.

Спектакль «Метаморфозы» наполнен каким-то безысходным, безнадежным трагизмом. Несмотря на радостную мелодию «Шалом», под звуки которой заканчивается представление, несмотря на белую трепетную голубку, которой заканчиваются метаморфозы илькиного bestiария.

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж